

Поручение, по которому прибыл Суй Джоу, было наполовину государственным, наполовину частным, так что он жил на постоялом дворе один, без подчиненных.

Но вместе с Тан Фаном сюда перебрались и Янь Ли с остальными двумя.

Хоть это место располагалось и близко к столице, частью ее не являлось, поэтому свободных комнат тут имелось хоть отбавляй. Тан Фану не нужно было втискиваться в одну комнату с Суй Джоу, как раньше, да и кровать была столь мала, что двум взрослым мужчинам было бы довольно тесно на ней, а значит, наилучшим решением было жить в отдельной комнате.

Но, чтобы иметь возможность болтать с Суй Джоу по ночам при свечах, выбор Тан Фана пал на соседние покои.

Разница между помощником и хозяином заключалась в том, что в то время, как Цянь Сан-эр таскал багаж и обустраивал комнату, господин Тан мог бездельничать. Он взял тарелку с едой и отправился к Суй Джоу поболтать.

Хоть Императорский Двор и удостоил Суй Джоу титулом графа, тот своих привычек не поменял. Жил простой, практичной жизнью и не тратил много времени на свой внешний вид. Даже популярной на тот момент манере носить нефритовые бусы, поддерживающие пучок волос, не следовал.

Самой великолепной и ценной вещью в его комнате был лежащий на столе позолоченный меч в ножнах из акульей кожи.

Приняв ванну, Суй Джоу вышел из-за ширмы и увидел Тан Фана. В одной руке того был жирный мясной пирог, а другой он трогал бесчисленное количество раз обагренный кровью позолоченный меч, с любопытством изучая узоры на ножнах.

Меч этот сопровождал Суй Джоу во всех передрягах и опасностях, когда тот ходил по краю между жизнью и смертью, так что он был очень привязан к этому оружию. Суй Джоу был не из тех, кто «живут и умирают с мечом в руках», но если бы кто-то другой возился с ним во время еды, граф Суй бы разозлился.

Конечно, один человек был исключением.

Суй Джоу взглянул на то, что тот ел:

— Уже так поздно, а ты ешь такую жирную пищу. Не боишься, что у тебя заболит живот?

— Все в порядке, – махнул рукой Тан Фан. – Я попросил принести чайник с горячим чаем, чтобы разбавить жир.

— Если не сможешь уснуть, выпив его, придешь спать мне мешать, – проворчал Суй Джоу.

— Если не смогу уснуть, – улыбнулся Тан Фан, – будем болтать при свечах. Я очень рад видеть тебя здесь. Думаю, даже без чая не усну.

Суй Джоу знал, что тот шутит, но не сдержался и слабо улыбнулся одними уголками губ. По сердцу растеклась радость.

Тан Фан подвинул к нему тарелку:

— Попробуй. Говорят, этот мясной пирог – исконное блюдо округа Сяньхэ. Мне он показался очень вкусным. Повара только что попросили приготовить его, так что еще горячий.

Суй Джоу изначально не был обжоркой, но теперь, после долгого общения с этим человеком, каждый раз слыша его рекомендации, начинал есть больше.

Этот пирог Сяньхэ с обеих сторон был обжарен до золотистой корочки и хрустел во рту. В тонко раскатанном тесте начинки было хоть отбавляй. В каждом кусочке – свежий нежный фарш с зеленым луком.

По мнению Тан Фана, мясной пирог на этом постоялом дворе был куда лучше, чем в доме Хэ, а значит, ночной переезд того стоил.

Вскоре принесли чай. Тан Фан купил листья в городе, поскольку на постоялом дворе хорошего чая конечно же не было.

Чашка чая в желудке, да кусочек хрустящего пирога с нежной мясной начинкой во рту – в жизни столько всего хорошего, о чем еще можно просить?

Но такой человек, как Хэ Линь, даже если бы ему предложили жить так всю оставшуюся жизнь, конечно же, был бы все равно недоволен.

Они ели мясной пирог и болтали при свечах – незабываемое ощущение.

Тан Фан наконец задал вопрос, все это время не дававший ему покоя:

— Когда меня отстранили от должности, Его Величество, должно быть, был очень плохого впечатления обо мне. Что такого могло случиться, что всего за полмесяца я смог получить повышение? Как Ван Джи это удалось?

— Это все твоя картина, – ответил Суй Джоу.

Оказывается, вернувшись в столицу, Ван Джи сначала отправился к Хуай Энью, передал ему совет Тан Фана вместе с его картиной и попросил найти возможность показать ее императору, чтобы у того осталось хорошее впечатление о Тан Фане.

Кто лучше всех в мире знал императора?

Не его мать, вдовствующая императрица Чжоу, а благородная наложница Вань, иначе бы она не завладела сердцем императора.

Но, кроме благородной наложницы Вань, нужно помнить и о евнухах, что целыми днями были подле императора.

Ван Джи больше не нужно было ничего говорить. Хуай Энъ быстро уловил ход его мысли и кивнул в знак того, что сделает все, что в его силах.

Передав дело Хуай Эню, Ван Джи покинул столицу и отправился в Датун, чтобы продолжить выполнять обязанности военного инспектора.

После долгого разговора с Тан Фаном он понял, что не может оставаться на границе слишком долго и ему следует как можно раньше вернуться в столицу, иначе с таким трудом отвоеванные владения перейдут кому-нибудь другому.

Но он не мог вернуться только потому, что хотел. Ему как минимум нужно было подобрать подходящий момент, чтобы попросить об этом.

А пока ему оставалось лишь глотать песок в Датуне.

Затем произошли две вещи. Выслушав совет Хуай Эня, принц нашел возможность смиренно покаяться перед императором, признав, что ему не следовало устанавливать во дворце поминальный стол для своей матери без разрешения. Хотя он и сделал это из сыновьей почтительности, подобное нарушало правила дворца. Он заслужил наказание.

Он также вспомнил день, когда впервые встретил своего отца. Принц говорил горячо и эмоционально, не в силах сдержать слезы, затронув тем самым сердце императора. Тот вспомнил о том, как на протяжении многих лет мечтал о наследнике. Отец с сыном обнялись и рыдали навзрыд. Небо прояснилось после грозы – все было кончено.

Хоть этого никто и не ожидал, наследный принц смог благополучно пережить нынешний кризис.

Те, кто с нетерпением ждал его неудачи, и те, кто просто наблюдал, ожидая, чем все закончится, думали, что на этот раз с принцем покончено, но тому вновь удалось сохранить свое шаткое положение, пока никто не видел.

Великие решения порой кажутся нескладными. То, что казалось сомнительным методом, оказалось способно тронуть императора.

Тан Фан был прав: император Чэнхуа не был плохим человеком и обладал мягким сердцем.

На такого, как он, можно воздействовать на эмоциональном уровне.

Именно потому, что благородная наложница Вань подметила это, ее положение оказалось столь несокрушимо.

Кто бы ни ходил просить за принца, результат был бы хуже, чем если бы он лично отправился к императору.

Услышав совет Тан Фана от Ван Джи, Хуай Энъ засомневался, что этот способ сработает, но решил попробовать и порекомендовал принцу последовать словам Тан Фана.

Совет сработал, так что теперь пришел черед Хуай Эня сдержать слово.

Однажды, улучив момент, когда император был в хорошем настроении и взялся за кисть для рисования, Хуай Энь вскользь упомянул, что у него есть друг-художник, картины которого, хоть и не особо возвышены, весьма прелюбопытные, так что очень ему нравились.

Несмотря на то, что император был довольно посредственным правителем и к управлению страной подходил очень безответственно, он был настоящим мастером каллиграфии и живописи. В начале своего правления он написал картину «Круг гармонии», иллюстрирующую единство монарха и министров и ставшую настоящим достижением живописи, оцененным множеством больших чиновников. Если бы не стал императором, мог бы зарабатывать на жизнь продажей картин.

Император Чэнхуа, заинтересованный словами Хуай Эня, тотчас спросил, кто этот человек. Хуай Энь долго держал его в напряжении, а затем сообщил, что это Тан Фан.

Император был довольно забывчивым, но имя это все еще помнил. Немного подумав, он спросил, не тот ли это человек, которого в прошлый раз отстранили от должности.

«Да», – ответил Хуай Энь и тотчас поспешил покаяться, сказав, что знает правила, согласно которым дворцовые евнухи не должны общаться с чиновниками, не входящими во дворец. Раньше он просто восхищался картинами Тан Фана и только теперь, узнав, что у того больше нет должности, связался с ним, не боясь нарушить запрет.

Император Чэнхуа не стал упрекать Хуай Эня, лишь упорно просил показать ему картины Тан Фана.

Будучи высокопоставленным евнухом, отвечающим за печать Управления Церемоний, и сыном семьи чиновника, Хуай Энь обладал острым глазом, так что люди, которых он хвалил, должно быть, действительно того заслуживали. Императора мало что интересовало. Живопись была одним из его немногочисленных увлечений, поэтому, услышав, что Тан Фан хорошо рисует, он принялся с нетерпением убеждать Хуай Эня показать ему последнюю работу Тан Фана, чтобы он мог оценить ее.

Хуай Энь принес «Следящую за цыпленком курицу» и вручил картину императору.

Поскольку у Тан Фана было мало времени, он очень торопился, так что картине не хватало изящества, но вне зависимости от мастерства и вложенного смысла, как и сказал Хуай Энь, в ней чувствовалась бьющая через край радость жизни. От одного взгляда на нее на сердце становилось тепло – как раз во вкусе императора.

Идея Ван Джи была гениальна.

Он запретил Тан Фану писать стойкие цветы на морозе, поскольку хоть подобные картины и обладают возвышенным смыслом, цветы сливы и хризантемы – это метафора высоких амбиций и собственного превосходства литераторов.

Если бы император увидел такую картину, то решил бы, что Тан Фан затаил на него обиду за отстранение.

А вот «Следящая за цыпленком курица» – совсем другое дело.

Свежая яркая глициния означала буйство жизни. Хоть курица и отошла в сторону, она продолжала время от времени останавливаться и оглядываться, беспокоясь, что цыпленок не поспеет за ней. Цыпленок же поднял голову и глядел на свисающие сверху цветы глицинии, изо всех сил пытаясь клюнуть их, будто желая узнать, какие они на вкус. Его очаровательная наивная мордашка вызывала улыбку.

— Этот слуга так любит эту картину, – вздохнул Хуай Энь, – из-за любви и заботы, что испытывает курица. Разве не похоже на Ваши надежды о наследном принце, Ваше Величество? – заметив, что император слегка изменился в лице, он понял, что тот услышал его и улыбнулся: – Хоть этот слуга никогда и не был отцом, я рос подле своих родителей. Однажды я прогуливал уроки, и отец избил меня розгой!

— Ты прогуливал уроки, когда был ребенком? – с интересом спросил император Чэнхуа.

— Да, – с улыбкой отвечал Хуай Энь. – Тогда в нашем городе первого и пятнадцатого числа каждого месяца ставили оперу. Этот слуга вместе с друзьями хотел пойти в театр посмотреть, так что притворился больным, чтобы прогулять занятия. Однако по возвращении мой отец поймал меня. Он так сильно избил меня, что я три месяца с постели встать не мог!

Отец Хуай Эня служил Великим Министром третьего ранга, дядя – магистратом провинции Хэнань, а старший брат – помощником военного министра, так что семья его была чиновничьей. Брат Хуай Эня постоянно призывал императора Сюань-цзуна не растрачивать впустую свои знания, так что вконец того разозлил. Затаив обиду, император задержал и лично допросил его, желая, чтобы тот признал свою ошибку.

Однако брат Хуай Эня был слишком твердолобым. Он заявил прямо в лицо императору, что не ошибся и что тот не должен отказываться от государственных дел, посвящая себя охоте. Император Сюань-цзун пришел в ярость и велел избить его палками до смерти.

Но на этом ненависть императора не утихла, так что он велел конфисковать все имущество его семьи, а их самих сделать рабами.

Поскольку Хуай Энь был мал, его отправили во дворец и оскотили, сделав евнухом.

Император Чэнхуа знал об этой истории, так что очень его жалел:

— Если бы не несчастье, случившееся с твоим братом, ты бы не вошел во дворец. Если уж мы заговорили, наш дед действительно немного переборщил!

Императоры редко признавали ошибки. Даже если они были неправы, они были правы.

А в том, что их предки совершили ошибку, они признавались и того реже.

Однако император Чэнхуа сильно отличался от предыдущих императоров. Он говорил и вел себя как обычный человек.

Хоть у Чэнхуа и было полно недостатков, будучи тем, кто наблюдал за тем, как тот взрослеет,

Хуай Энъ очень любил этого мягкосердечного и дружелюбного императора.

Потому что считал, что этот Сын Неба обладал преимуществом, которого не было у его отца и деда.

Добротой.

К слову, император Чэнхуа больше походил на своего прадеда, император Жэнь-цзуна, который правил меньше года.

Услышав эти слова, Хуай Энъ прослезился, однако лицо его оставалось спокойным:

— Прошное в прошлом. Этот слуга не смеет комментировать поступок императора Сюань-цзуна. Я просто хотел сказать, что каждый в мире родитель желает блага своим детям и боится, что те научатся плохому, так что неизбежно строго наказывает их. Но, в конце концов, отцы с сыновьями – как эта «Следящая за цыпленком курица». Как бы далеко ни ушла курица, она будет постоянно оборачиваться, чтобы посмотреть на своего цыпленка.

Тронутый, император Чэнхуа со вздохом кивнул:

— Через живопись можно увидеть сердце человека. Тот, кто написал такую картину, точно не должен быть плохим. Кажется, мы немного поторопились, отстранив его от должности.

— Слова Вашего Величества на вес золота, – поспешил ответить Хуай Энъ. – Если Ваше Величество сказали, что он виноват, значит, он виноват. Ваше Величество не поторопились! Гроза и роса монарха – милость. Хороший чиновник не должен заботиться лишь о награде и наказании от Вашего Величества. Он должен думать о том, что в силах сделать для Двора и народа.

— Ладно, старик, – взглянул на него император Чэнхуа. – В прошлом мы целый чернильный камень сломали лишь потому, что ты просил за какого-то провинциального чиновника по фамилии Линь. Так зачем сейчас строишь из себя не пойми что? Ходишь вокруг да около, картину нам показываешь. Разве не для того, чтобы замолвить словечко за этого Тан Фана? Ты, старик, слишком добрый, вот к тебе очереди просителей и выстраиваются!

— Ваше Величество не так все поняли, – горько улыбнулся Хуай Энъ. – На этот раз все не так. Тан Фан действительно не просил этого слугу о заступничестве. Сердце этого слуги не смогло вынести произошедшего. Как и сказали Ваше Величество, видеть картину – все равно что видеть художника. Этот слуга глянул на эту картину, и хоть с работами Вашего Величества не сравнится, в ней есть что-то схожее, такая же причудливость – песни разные, а впечатление одно!

Император Чэнхуа чувствовал то же самое. Больше всего он любил бездельничать и жить в праздности, а больше всего ненавидел, когда кто-то заставлял его что-то делать. Если через живопись действительно можно увидеть сердце человека, то этот Тан Фан и правда был чем-то похож на него.

Императору приходилось каждый день видаться с огромным количеством людей и справляться с большим количеством дел, а Тан Фан не сделал ничего такого, из-за чего тот возненавидел

бы его до мозга костей, так что император не испытывал к нему особой неприязни. Теперь же, благодаря этой картине, у него сложилось довольно хорошее впечатление о Тан Фане.

Хуай Энь с Ван Джи сделали верный шаг, поскольку слишком хорошо знали императора.

— Где сейчас Тан Фан? – спросил император у Хуай Эня.

— Слышал, он уехал навестить свою замужнюю сестру. Его нет в столице.

— В прошлый раз из-за этого Тан Фана Гуанчуань прибежал сюда и простоял снаружи все утро, – улыбнулся император. – Нам было неловко видеть его. Теперь же мы можем утешить его. Помнится, не так давно из Цензората ушло много людей, верно?

— Мэн Янсуй ушел на пенсию, Му Хунбо отправился в Нанкин, а Янь Си уволили.

В Цензорате было больше персонала, чем в других департаментах, поскольку он отвечал за надзор за сотнями должностных лиц и сообщал об их незаконных действиях. Количество одних лишь цензоров-инспекторов в нем доходило до ста десяти. А среди высших должностей количество правых и левых столичных цензоров, их заместителей и помощников строго не регламентировалось, так что император мог назначить их столько, сколько было нужно. Обычно, конечно, было лишь по одному правому и одному левому на каждой должности.

С тех пор как Император-основатель учредил Отделения Цензоров, их функции нередко пересекались с функциями Цензората, но Цензорат по-прежнему оставался одним из самых важных ведомств Великой Мин и обладал огромной властью, позволяющей принимать решения по вопросам важным и не очень.

— Где раньше служил Тан Фан? – спросил император Чэнхуа. – Помнится... на него донесли только за то, что он не справился с заданием Министерства Наказаний?

— У Вашего Величества превосходная память. Он действительно служил в Министерстве Наказаний. Его обвинили в убийстве подчиненного во время расследования, но было это совершено преднамеренно или случайно, так и не выяснили.

— Юань Вэн (Вань Ань) рассказывал нам об этом, – задумался император Чэнхуа. – Было бы неправильно возвращать его в Министерство Наказаний, дабы не обижать Юань Вэна... Пусть служит в Цензорате. Помощник левого столичного цензора четвертого ранга – звучит неплохо, не правда ли?

— Не просто неплохо, – улыбнулся Хуай Энь. – Это благословение!

— Не хотим обижать ни тебя, ни Гуанчуаня, – нахмурился император Чэнхуа. – Если бы кто другой пришел просить нас, мы бы не смилостивились! Мы знаем, что у тебя мягкое сердце, но впредь будь внимательнее: не помогай направо-налево всем, кто приходит к тебе за помощью!

Он понятия не имел, что за всем этим стоят еще и Ван Джи с наследным принцем. Хуай Энь, конечно же, не стал отпираться и неоднократно признал свою ошибку, умоляя императора снова улыбнуться.

Вот так вопрос и был решен, а Суй Джоу узнал эту новость, когда два дня спустя его вызвали во дворец.

Он и сам планировал заступиться за Тан Фана, когда гнев императора поутихнет, но внезапно Ван Джи с Хуай Энем опередили его и провернули все по-тихому.

Но удача Тан Фана в любом случае обрадовала Суй Джоу.

— Я знаю, что ты не убивал Инь Юаньхуа, – продолжил Суй Джоу, обращаясь к Тан Фану, – но из-за клеветы Вань Аня, Лян Вэньхуа и остальных окружающие имеют о тебе не очень хорошее представление. Не стоит возвращаться в Министерство Наказаний. Лучше пойти в Цензорат и начать все сначала.

— Я понимаю, спасибо тебе, – улыбнулся Тан Фан. – Гуанчуань, на самом деле, я так счастлив сегодня не только потому, что узнал от тебя хорошие новости, но и потому, что смог увидеть тебя. Говорят, в жизни есть четыре радости: сладкий дождь после долгой засухи, встреча старого друга на чужбине... Так не пойдет, я попрошу передать повару, чтобы приготовил парочку каких-нибудь закусок. Сегодня вечером мы обязательно должны выпить!

— Ты просто есть хочешь, да? – Суй Джоу взглянул на пустую тарелку.

Разоблаченный, господин Тан сделал такое же невинное лицо, как у Хэ Чэна:

— Бред какой-то!

— Не заметил, чтобы ты сегодня особо активно орудовал палочками в доме Хэ, – продолжал Суй Джоу. – На самом деле, блюда и правда были не очень аппетитными. Пересолили.

Найдя наконец своего понимающего с полуслова друга, Тан Фан сразу же начал жаловаться на тяжелую жизнь:

— Ты не представляешь! Я давно привык к поздним перекусам, что вы с А Дун готовите мне дома, а повар семьи Хэ не работает по ночам. Округ Сяньхэ не такое процветающее место, как столица. Рестораны тут закрываются рано. Мне даже негде поужинать!

Сам того не замечая, он начал говорить, как капризный ребенок, практически ноя. Суй Джоу не знал, как реагировать. В какой-то степени это было забавно. Не удержавшись, он протянул руку и погладил того по голове:

— Уже так поздно. Повар, должно быть, спит. Давай я приготовлю парочку блюд для тебя.

Тан Фана несколько смутил этот жест, но от одной мысли о том, что его накормят чем-то вкусненьким, он радостно рассмеялся:

— Как нехорошо с моей стороны! Ты только приехал, а вынужден работать поваром. Если моя сестра узнает, скажет, что я невнимателен к тебе!

От столь притворных и лицемерных речей господина Тана граф Суй закатил глаза, пока тот не видит, а затем встал и направился на кухню.

На столе оставалось еще много продуктов. Суй Джоу велел Тан Фану разжечь огонь, а сам вымыл и нарезал овощи, планируя приготовить баклажаны с чесноком и курицу Кунг-пао. Дабы поскорее поест, Тан Фан с небывалым энтузиазмом и со всей ответственностью принялся разжигать дрова, так что даже не заметил, как в дверях возникло несколько пар хитрых глаз.

Увидев, что Суй Джоу обернулся, обнаружив их, троица во главе с Янь Ли заискивающе улыбнулась:

— Старший брат, мы тоже не ужинали!

Суй Джоу: «...»

Говорят, о хорошем молчат, а о плохом узнают аж за тысячу ли. Но на этот раз хорошие новости распространились так быстро, как никогда.

О том, что Тан Фана вот-вот повысят до помощника левого столичного цензора, скоро узнал весь округ Сяньхэ. Личность Суй Джоу тоже была раскрыта. Постоялый двор, где они жили, в момент заполнили люди. Даже окружной магистрат Вэн приехал.

Тан Фан с Суй Джоу, ужасно раздосадованные этим, отсиживались на постоялом дворе, вход в который сторожили Янь Ли с Гунсунь Янем, не пропуская внутрь всяких зевак.

Тан Фан мог отказать во встрече посторонним, но с магистратом Вэном поговорить все-таки стоило.

Поскольку тот был здесь не для того, чтобы заискивать перед высокопоставленными чиновниками, а из-за дела семьи Вэй.

Хоть Тан Фан официально еще не получил должность, Суй Джоу приказ доставил, а значит, назначение уже вступило в силу.

Прогресса в деле семьи Вэй не было никакого. Вэй Цэ, что почти каждый день донимал магистрата Вэна, уже действовал тому на нервы. Магистрат Вэн хотел выяснить правду, но Вэй Цэ думал, что тот получил взятку от семьи Чай и собирается спрятать убийц – в те времена быть хорошим чиновником было очень трудно. У магистрата Вэна не было другого выбора, кроме как снова обратиться за помощью к Тан Фану.

Раньше, когда у Тан Фана не было должности, того терзали некоторые опасения, но теперь в том, чтобы просить совета у вышестоящего чиновника, не было ничего зазорного.

Тан Фан спросил его о том, как продвигается дело.

— Я не могу ничего узнать о смерти младенца Вэй, – покачал головой магистрат Вэн. – Скажите, что Вы думаете об этих кузенах Чай? Они признались в убийстве барышни Вэй Чжу, так что, если признаются в убийстве младенца, разницы для них не будет. Что одна жизнь, что две... Но они упорно отказываются сознаваться. Должно быть, что-то не так, поэтому этот скромный чиновник и не торопится закрывать дело, но боюсь, Вэй Цэ потеряет терпение и

отправится с жалобой в префектуру Шунтянь!

— Ты проделал хорошую работу, – похвалил его Тан Фан. – Пока дело не будет раскрыто, все должно быть так, как ты организовал. Только оставаясь непоколебимым перед внешними силами, можно беспристрастно вести дела!

Раньше эти двое были товарищами, сдавшими императорский экзамен в один год, но теперь магистрату Вэну приходилось в знак уважения называть себя «этот скромный чиновник» в присутствии Тан Фана.

Так было принято в официальных кругах. Те, кто достигли вершины, были важнее. Старший по возрасту не обязательно был старшим по званию. Кому-то не везло, а кому-то не хватало мастерства.

По мнению Тан Фана, среди всех людей, которых он когда-либо встречал, магистрат Вэн был одним из самых способных. По крайней мере, он был достаточно принципиальным человеком, так что заслуживал высокой должности. Ему ужасно не везло, как чиновнику. В сорок лет имел лишь седьмой ранг.

— Но так больше продолжаться не может, – горько улыбнулся магистрат Вэн. – Вэй Цэ – ученый, сдавший окружной экзамен. Он уже много лет занимается торговлей и имеет связи в официальных кругах. Если наверху спросят, этот скромный чиновник не сможет так просто объяснить ситуацию. Мне нужно поторопиться и выйти на след прежде, чем что-то случится. Вы только посмотрите на то, в каком я бедственном положении! Я действую во благо семьи Вэй, а он не только не чувствует себя благодарным, но еще и давит на меня, чтобы я закрыл дело!

— Не нужно, чтобы нас понимали, – утешал его Тан Фан, – нужно, чтобы наша совесть была чиста перед небом и землей. Не беспокойся. Главный магистрат префектуры Шунтянь – мой старший соученик, так что по возвращении я попрошу его не привлекать тебя к ответственности. Брат Гуан Юань, не издав ни звука, не приобретешь славы, а, запев, изумишь своим успехом; не расправив крылья, не помчишься сквозь облака, а взлетишь – достигнешь небес. Так и в чиновничестве. Не отчаивайся из-за стоящих перед тобой трудностей!

От одной мысли о том, что новоиспеченный помощник левого столичного цензора только что перед ним намекнул, что хочет помочь, магистрат Вэн очень обрадовался.

Он тотчас подскочил и вежливо поклонился:

— То, что этот скромный чиновник смог встретиться с господином, действительно благословение!

Тан Фан с улыбкой помог ему подняться:

— Ну что ты? Где бы жемчужина ни оказалась, она всегда будет сиять. Если ты усердно трудишься, это сразу видно, тебе так не кажется?

Окружной магистрат Вэн отчаянно закивал с взволнованным лицом.

Опомнившись, он наконец заговорил о деле:

— Господин, есть ли у Вас какие-нибудь инструкции по поводу расследования?

— Улик мало, – покачал головой Тан Фан. – Тут даже небожители были бы бессильны. Давайте сходим как-нибудь в дом Вэй. Заодно поговорю с Вэй Цэ, чтобы он потерпел и не притеснял тебя.

— Так будет лучше всего, – с благодарностью ответил магистрат Вэн. – Этот скромный чиновник пошлет к Вэй Цэ сообщить о нашем приходе.

Договорившись с Тан Фаном о встрече, чтобы вместе отправиться в дом Вэй, магистрат Вэн их покинул.

Хозяин постоялого двора, отметив, что тот пришел с грустным, а ушел со счастливым выражением лица, в удивлении зацокал языком.

В это время в семье Хэ старик Хэ планировал потянуть время и заставить Хэ Линя извиниться перед Тан Фаном. Он собирался пожертвовать собственным достоинством, чтобы тот постыдился забирать сестру из семьи Хэ.

Но не успел Тан Фан заглянуть к ним, как пришел Хэ Линь и сам предложил раздел имущества и раздельное проживание.

Потрясенный, старик Хэ спросил, не помутился ли тот рассудком.

Как известно, до этого Хэ Линь даже на развод не соглашался. То, что он внезапно изменил свое отношение к этому вопросу, было довольно странно.

Однако сколько бы старик Хэ ни расспрашивал, Хэ Линь не проронил ни слова, лишь молчал, скрывая охватившее его сердце чувство унижения.

А произошло все два дня назад.

Хоть в семье Хэ никто не упоминал при нем о повышении Тан Фана, Хэ Линь не был женщиной, что не смеет покинуть дома. Он входил и выходил свободно, так что слышал об этом в городе.

Он и так был ужасно подавлен, а теперь совсем приуныл. Хэ Линь снова и снова разочаровывался в себе, тогда как его шурин продвигался по службе.

Успех одного может довести до смерти другого.

Друзья Хэ Линя смеялись над ним, говоря, что поскольку его шурин – высокопоставленный чиновник, ему нечего больше бояться и склонять голову перед остальными членами семьи Хэ.

Хэ Линь знал, что те еще, скорее всего, не ведают о том, что Тан Юй хочет расстаться с ним, но даже так, каждый раз, слыша это, чувствовал ужасную боль, будто кто-то ударил его по лицу.

Заметив, как тот угрюм, друзья сказали, что хотят отвезти его кое-куда, чтобы тот расслабился.

Решив, что те собираются отвести его в бордель, Хэ Линь нахмурился и отказался, но те уверили его, что это не так, и настояли на том, чтобы тот пошел с ними.

Добравшись до места, он обнаружил, что оказался в игорном доме.

Поначалу Хэ Линю было очень стыдно глядеть на столь оживленную и непристойную сцену.

Но вскоре, после пары небольших выигрышей, он постепенно вошел в азарт.

Деньги текли рекой. Если бы ему удалось выиграть еще пару раз, то больше не пришлось бы ждать гроши, что ему каждый месяц давала семья.

Думая о том, что, даже если не сможет сдать императорский экзамен, будучи богатым, станет пользоваться уважением в семье, Хэ Линь ощутил прилив возбуждения, не меньший, чем от прочтения книги мудреца.

Выиграв несколько сотен серебрянных таэлей подряд, он, кажется, потерял удачу и принялся проигрывать.

Однако, войдя в азарт, Хэ Линь не смог смириться с этим, как и остальные игроки в этом мире, мечтающие отыграться. С мыслью: «Как только верну свои деньги, остановлюсь», – он потерял все, что у него было.

В этот момент кто-то из игорного дома предложил дать ему займы, сказав, что, поскольку тот сын хорошо известной в округе семьи Хэ, за первые триста таэлей с него не будут взиматься проценты.

Глаза Хэ Линя уже пылали жадной наживы. Немного поколебавшись, он стиснул зубы и принял деньги.

В итоге он не смог прекратить брать в долг. Если выигрывал, то хотел выиграть больше, а если проигрывал, мечтал отыграться, не в силах себя контролировать. Когда работники игорного дома выложили перед ним стопку долговых расписок на сумму больше пяти тысяч таэлей серебром, Хэ Линь остолбенел.

Пять тысяч таэлей – сумма немаленькая. У него такой точно не было.

Он должен просить о ней своего отца или жену?

Лучше бы его убили. Когда об этом узнают, он окончательно потеряет лицо и станет посмешищем округа Сяньхэ.

В результате после того, как он сказал, что такую сумму ему и до смерти не выплатить, хозяин игорного дома не убил его и даже не избил, а привел кое к кому.

Увидев лицо этого человека, Хэ Линь сначала опешил, а затем ужасно разозлился:

— Так это твоих рук дело?!

Послесловие автора:

Получить повышение с помощью переданной через евнуха картины можно было только во времена императора Чэнхуа. С Чжу Юаньчжаном или Чжу Ди такое бы не прокатило. Учитывая их характер, для господина Тана все закончилось бы тем, что с него заживо содрали бы кожу и вывесили бы ее на всеобщее обозрение...

А, товарищ Чжу Ди, возможно, был бы нежнее. И тогда с того бы не содрали кожу - его бы линчевали → _ →

Ладно, не буду больше вас пугать~(*^__^*)

Примечания переводчика:

«Он так сильно избил меня, что я три месяца с постели встать не мог!» - офигительная отцовская любовь, заслуживающая восхищения...

План Ван Джи заключался в том, чтобы показать императору, какой ТФ милашка ;D

Тан Фана наконец-то накормили, да еще и по головке погладили - мое сердце радуется)

Картину Чэнхуа «Круг гармонии» выложу в своей группе вк «Уголок СуйТанов» (vk.com/chssn), так что, кто еще не вступил - милости просим, у нас тут много интересного.

<http://tl.rulate.ru/book/50212/2262495>